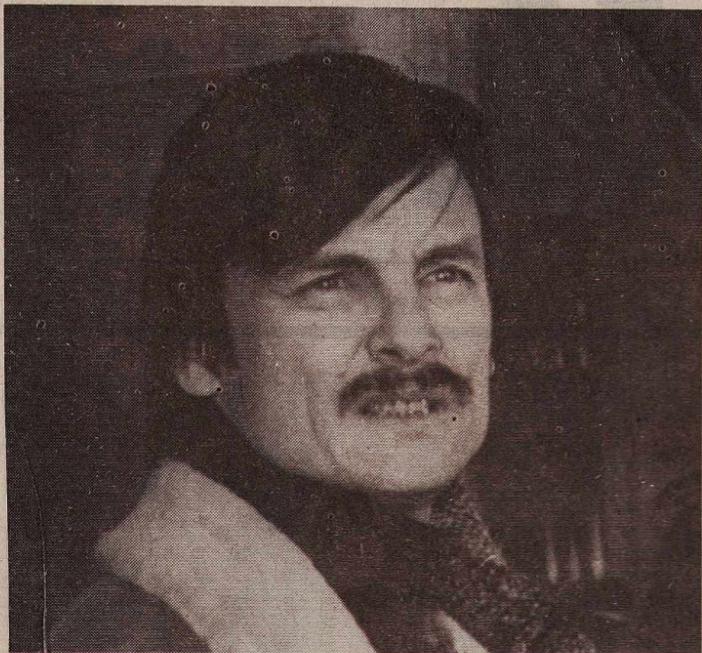

**«НЕТ, НЕ Я ВАМ ПЕЧАЛЬ ПРИЧИНИЛ.
Я НЕ СТОИЛ ЗАБВЕНИЯ РОДИНЫ».**

(Б. ПАСТЕРНАК)

А. ТАРКОВСКИЙ

(Из интервью, данного 15 марта 1986 г. в Париже).

«Вопрос, который я поднял в фильме «Жертвоприношение», мне представляется самым важным: отсутствие в нашей культуре места для духовного существования. Мы расширили наши материальные запросы и проводим материалистические эксперименты, не принимая во внимание угрозу, несущую в себе лишение человека духовности.

Человек страдает, но не знает почему. Он ощущает отсутствие гармонии и ищет причину. Я хотел показать, что человек может обновить свои связи с жизнью, вернувшись к согласию с самим собой и источником своей души.

И один способ достичь нравственной целостности, то есть состояния, когда человек не размышляет о материальных ценностях и не функционирует просто как объект общественных экспериментов, — это быть способным принести себя в жертву.

Этот фильм — поэтическая притча. Каждый эпизод можно интерпретировать по-разному. Я отчетливо сознаю, что мой фильм расходится с преобладающими идеями нашего времени: он как бы плывет «против течения». Меня поражает духовное самоубийство, на которое добровольно идет человечество...

ИНГМАР БЕРГМАН

Мое открытие первого фильма Тарковского было похоже на чудо. Внезапно я обнаружил, что стою у дверей комнаты, ключей от которой у меня раньше никогда не было. Это была комната, куда я всегда хотел войти и где он двигался свободно и непринужденно. Мне как будто придали мужества! Кто-то выражал то, что я всегда хотел сказать, но не знал, как.

Тарковский для меня — самый великий режиссер. Тот, кто придумал новый язык, соответствующий природе фильма, который видит жизнь, как отражение, видит фильм, как сон.

СВЕН НЮКВИСТ, кинооператор фильма «Жертвоприношение».

Тарковский очень чувствителен к свету. Но больше всего его интересуют изображение, движение в нем. Я никогда раньше не встречался с таким стилем режиссуры. Он не может или не хочет выражать свои планы построения кадра, не найдя вначале свой путь, движение через камеру — мою камеру!

Андрею Тарковскому ВОЗВРАЩЕНИЕ

4 апреля в Центральном Доме кинематографистов состоялся вечер, посвященный творчеству Андрея Тарковского. Этот вечер заключал ретроспективный показ фильмов великого мастера последней его картиной «Жертвоприношение».

Открыл вечер Элем Климов. Он сказал, что в этот день, 4 апреля, Андрею исполнилось бы 55 лет. Но горько сознавать, что его нет сейчас с нами. Вспомнил другой день, когда здесь же, в вестибюле Дома кино, провожали в последний путь Василия Шукшина. И Андрей был с нами, и Лариса Шепитько, и Отар Иоселани, и Юрий Ильенко. «Мы плакали, клялись друг другу в дружбе, что будем поддерживать и помогать друг друга, и долго не могли потом расстаться. Это были искренние слова. Такие дни объединяют, сплачивают людей. А потом начались будни, у каждого свои проблемы, трудности. И, увы, нам не хватило, быть может, внимания, тонкости помочь Андрею в какой-то самый тяжелый для него, переломный момент на Родине: бюрократическое давление на художников, на режиссеров, в частности, продолжалось, нарастало, становилось невыносимым. И Андрей не выдержал. Он уехал. Уехал, чтобы снять только одну картину в Италии. Но все обернулось иначе...

Анна-Лена Вибом — продюсер шведского фильма Тарковского — накануне этого вечера сказала, что та раковая болезнь, которой заболел Андрей, по мнению врачей, началась у него давно — лет семь назад, но никаких признаков тогда нельзя было обнаружить. Хотя тайно болезнь, очевидно, каким-то образом сигнализировала, воздействовала на поступки Андрея, и он неосознанно, возмож-

ИОЗЕФСОН — актер, исполнитель главной роли в «Жертвоприношении»

Для Тарковского люди полны секретов. И он не хочет их раскрывать. Для него таинственность является не только абсолют, но чем-то, что окружающие могут интерпретировать по-своему.

но, спешил сказать самое главное, выразить себя до конца. К тому времени он снял всего пять фильмов. И хотел снять еще хотя бы один-два. Может быть, и это в какой-то мере объясняет его решение, его отъезд. Две последние картины Андрея — «Ностальгия» и «Жертвоприношение» — они для него о самом главном. Это исповедь. Его нравственное, духовное завещание. Я не хотел бы никаких слов говорить о его творчестве. Не хотел применять никаких эпитетов. Андрей Тарковский в этом абсолютно не нуждается. Все его творчество — это огромный вклад выдающегося художника в отечественную и мировую культуру.

Организовав ретроспективный показ всех фильмов Андрея Тарковского в этом Доме, мы, таким образом, вновь возвращаем его к себе. Хотя, по моему убеждению, он обязательно вернулся бы на Родину сам. Теперь Андрей навсегда будет с нами».

Анна-Лена Вибом — продюсер фильма «Жертвоприношение» и директор Шведского киноархива, присутствовавшая на вечере по приглашению Союза кинематографистов, в своем выступлении сказала: «Мне выпало счастье работать с Андреем Тарковским фактически ежедневно в течение трех последних лет его жизни, а также быть рядом с ним во время его болезни».

Олег ЯНКОВСКИЙ

«...Андрей всегда для меня оставался загадочным, не до конца понятным человеком. Странным, неожиданным режиссером. Наши отношения строились нелегко. То оборачивались нечаянной радостью, то прозили развалиться, то за ними тянулось шлейф трагических обстоятельств. Как и Высоцкий, он был одним из лидеров нашего поколения. Единственный режиссер, которому я, как актер, хотел ввериться целиком, без размышлений, без всяких сомнений... Контакт случался лишь тогда, когда я «тащил душу», напрягая не только актерские, но и человеческие усилия. Что-то получало лучше, что-то хуже, но врать Андрею было невозможно, ибо в таких людях во-

Однажды я спросила Андрея: является ли искусство для него, как для многих художников, способом познать самого себя, разобраться в собственной жизни? Андрей посмотрел на меня так, словно не понимал вопроса, словно услышал его в первый раз, и ответил: «Знаешь, мои фильмы — это моя жизнь, а моя жизнь — это мои фильмы».

Как уже сказал Элем Климов, фильмы Андрея Тарковского не нуждаются в особом представлении. Но мне кажется, этот режиссер обладал особым качеством — у него не было никакой оболочки, разделяющей его внутренний мир и внешнюю реальность.

Есть режиссеры, которые снимают свои фильмы о том, что происходит вокруг. И есть другой тип режиссеров, как Феллини, Антониони, Бергман и в первую очередь — Тарковский. Это режиссеры, которые рассказывают о своих внутренних переживаниях.

Я благодарна судьбе за то, что мне выпало счастье работать с Андреем Тарковским. Я счастлива, что сегодня нахожусь здесь, в Москве, где демонстрируют его последний фильм. А последним желанием Тарковского было показать «Жертвоприношение» в Советском Союзе, который он до последней минуты считал своей Родиной».

площется совесть поколения. И когда сегодня мы восхищаемся «Покаянием» Абуладзе, то обязаны сказать и о «Зеркале», о гражданском и художественном поступке Тарковского, всколыхнувшем нашу память, наши раны, нашу невольную и неслучайную вину...

Когда мы снимали финальный важнейший эпизод картины «Ностальгия» — безмолвный проход героя со свечой, — Андрей сказал: «Я не знаю, как в твоей жизни, но в моей бывало, что проход, один поступок проживался, как вся жизнь, как ее итог. Ты должен всем своим существом почувствовать, эмоционально передать последние шаги перед смертью». На репетиции он огорчался, что я слишком рано «умираю», «наливаюсь кровью». Начали снимать, и вдруг я слышу: «Олег, пора, наливайся!» Этот закрытый жесткий человек мог быть смешным и трогательным, и нежным, и смертельно уставшим. Он был способен зарядить твою нервную энергию, направить интуицию, прокладывая путь к самому первичному и неразложимому, к святому и непоруганному. К тому, что неосознанно дается при рождении и беспощадным трудом раскрывается перед смертью. Это путь духовного очищения. Тоска подступающей смерти и тоска по жизни.

...Тарковский и был истинно русским художником, воплощением совестливости, максимализма, внутренней свободы, духовной твердости. И самое важное — обладал нутряной, естественной для себя потребностью принять и пережить наши боли и страдания. И эту ни на секунду не ослабевающую тревогу за нашу судьбу, за наши общие прегрешения, за боли своей страны, своего народа, за веру во спасение, за бескомпромиссность нравственных поисков невозможно сегодня заглушить...

Все мы до конца не в состоянии еще осознать, что нес нам своей жизнью и что нам дал Андрей Тарковский. «Ни сло-

Андрей Тарковский с матерью на съемках фильма «Зеркало».

Фото В. Мурашко.

А мать стоит, рукою манит,
будто
Недалеке, а подойти нельзя;
Чуть подойду — стоит в семи
шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.
Жарко
Мне стало, расстегнул я ворот,
лег, —
Тут затрубили трубы, свет по
векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостом летит, рукою
манит —
И улетела...
И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на
меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит.
И остались
А мать пришла, рукою
помакнула —
И улетела...